

0-774948

На правах рукописи

ТОЛСТЫХ Ольга Анатольевна

**АНГЛИЙСКИЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН КОНЦА XX ВЕКА
И ВИКТОРИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
(на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа)**

**Специальность 10. 01. 03 – Литература народов стран зарубежья
(английская литература)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Екатеринбург – 2008

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Паверман Валерий Маркович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Селитрина Тамара Львовна
ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмулла»

кандидат филологических наук, доцент
Стринюк Светлана Александровна
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Защита состоится «26» ноября 2008 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.11 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «²⁵ — » октября 2008 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514542

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Назарова Лариса Александровна

Одной из отличительных особенностей английской постмодернистской литературы конца XX века является диалог с культурным наследием предшествующих эпох и, в частности, с викторианской культурой и литературой. Мифологизированность понятия «викторианства» в сознании современного англичанина, идеализирующего его из чувства ностальгии, тоски по былому могуществу Великобритании и преклоняющегося перед его эстетическими достижениями, привела к тому, что викторианская литература стала огромным прецедентным текстом для творчества современных английских писателей.

Викторианство приравнивается к особому образу мышления, мировоззрению, и если в послевоенной Европе слово «викторианский» первоначально имело негативный оттенок и обозначало прежде всего проявление регрессивности, эмоциональной сдержанности, сексуальной угнетенности, несвободы, холодности и скрытности, то в конце XX века оно уже приобрело комплиментарный характер, ознаменовав тем самым своеобразную моду на все викторианское. Викторианские ценности, викторианский стиль, викторианский склад ума, викторианский кодекс джентльмена неизменно реконструируются на страницах современной международной викторианы.

Викторианская литература оставила заметный след во всей последующей литературной традиции Англии. Ее заслуженно называют золотым фондом английской литературы, одной из наиболее ярких страниц мировой культуры, временем высокой классики. Неудивительно, что английские писатели конца XX века постоянно обращаются в своем творчестве к литературе XIX века, стремясь пересказать или переинтерпретировать с оглядкой на современность классические образцы викторианской прозы. Вся викторианская литература в романах современных английских писателей (П. Акройда, А. Байетт, Д. Лоджа, Г. Свифта, С. Уотерс) предстает как своеобразное сверхтекстовое единство.

Викторианский роман становится неким архетипом и рассматривается уже как совокупность всего, что было написано о викторианстве. Поэтому зачастую невозможно выявить все случаи текстовых включений из произведений викторианских писателей, целесообразнее говорить о некоем викторианском тексте в целом как реконструировании основных мотивов, сюжетов викторианской литературы и культуры, упоминании в произведении реалий времени, исторических личностей, знаковых романов эпохи викторианства и общей текстовой ориентации на Англию XIX века.

Актуальность темы данного исследования связана с тем, что изучение сверхтекстовых образований, складывающихся вокруг топонимов и антропонимов высокой культурной значимости (московский, петербургский, сибирский, крымский, уральский, а также пушкинский, гамлетовский, диккенсовский тексты), представляет в настоящее время большой научный интерес. Викторианский текст становится таким надтекстовым образованием для современного английского романа, вступающего в интертекстуальный диалог с литературой прошедших эпох.

Изучение новой жанровой модификации, неовикторианского романа, отражающей общее тяготение современной английской прозы к традициям литературы эпохи викторианства, представляется в данном контексте особенно важным.

Исходя из существующего определения сверткста как сложной системы интегрированных текстов с общей внетекстовой ориентацией, незамкнутостью единства, внутритекстовой континуальностью, открытостью границ, смысловой и языковой цельностью (В. Н. Топоров, Н. Е. Меднис), можно говорить и о контурах викторианского текста в английской литературе, основывая свои рассуждения на общей культурно-исторической значимости эпохи викторианства, ее противоречивости, мифологизированности, а также общности художественного кода.

Викторианский текст можно определить весьма широко как совокупность произведений современной английской литературы, в которых эпоха викторианства и викторианская литература представлены как тематически-единое и модально-целостное образование, обладающее символической природой. Викторианский текст в данном случае рассматривается как незамкнутая система интегрированных текстов, характеризующихся смысловой и языковой цельностью, ограниченных темпорально и локально (Англия XIX века). Внутри викторианского текста современной английской литературы можно также выделить именные тексты, такие, как диккенсовский, теккереевский, элиотовский, и рассмотреть процесс их формирования и их основные блоки (художественный, литературоведческий, мемуарный).

Вместе с этим викторианский текст можно представить как надтекстовое образование в рамках одного произведения. Под викторианским текстом в данном случае понимается текст викторианской эпохи в целом (викторианской культуры, морали, политики, литературы), присутствующий в современном романе на различных уровнях и представленный в виде определенных субстратов материально-духовной, духовной и природной сферы, а также в виде викторианских образов, мотивов, сюжетов. Именно в этом смысле рассматривается викторианский текст в нашем исследовании.

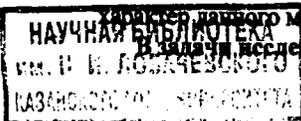
В качестве объекта исследования выступает викторианский текст современного английского романа. Предметом исследования является интертекстуальный диалог с викторианской литературой в романах современных английских писателей.

Материал исследования – романы Антонии Сьюзен Байетт «Обладать» (*Possession*, 1990) и «Ангелы и насекомые» (*Angels and Insects*, 1992), роман Дэвида Джона Лоджа «Хорошая работа» (*Nice Work*, 1988), а также критические статьи писателей, их интервью, выступления.

Цель исследования – проанализировать викторианский текст романов А. С. Байетт и Д. Лоджа, проследить как, на каких уровнях и с помощью каких художественных средств в современном английском романе ведется интертекстуальный диалог с викторианской литературой, а также определить

характер данного межтекстового диалога.

В области исследования входит:

1. определить содержание термина «викторианский текст»;
2. раскрыть феномен интертекстуального диалога и охарактеризовать его возможные формы;
3. выделить критерии для классификации текстовых включений из викторианской литературы в английской постмодернистской прозе, предложить их классификацию;
4. проанализировать викторианский текст романов А. Байетт «Обладать», «Ангелы и насекомые» и Д. Лоджа «Хорошая работа» на различных уровнях организации текста, выделить основные формы межтекстового взаимодействия и типы текстовых включений из викторианских романов;
5. определить характер и функциональность интертекстуального диалога между современным английским романом и викторианской литературой.

Методологической основой исследования является сочетание культурно-исторического, сравнительно-исторического, культурологического, биографического методов анализа, а также методов пристального чтения и интертекстуального анализа.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных (И. П. Ильин, Д. В. Затонский, М. Н. Липовецкий, Н. Б. Маньковская, И. С. Скоропанова) и зарубежных ученых (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, И. Хассан, Л. Хатчеон, У. Эко) по теории постмодернизма. Особое внимание в нашем исследовании уделяется теории диалога М. М. Бахтина, идее о том, что «каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний»¹, и теории интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт), нашедшей продолжение в работах таких отечественных ученых, как И. В. Арнольд, А. К. Жолковский, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева. Методологическую значимость для нашего исследования имели работы по исторической поэтике, заложившие основы сравнительно-исторического литературоведения (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский) и труды по теории и анализу сверхтекста (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, В. В. Абашев, А. П. Люсый, Н. Е. Меднис).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые вводится термин «викторианский текст» как сверхтекстовое единство и как особое надтекстовое образование, с помощью которого современная английская литература вступает в диалог с викторианской культурой и литературой, порождая при этом новые художественные смыслы.

Новизна исследования состоит также в попытке проанализировать викторианский текст современного английского романа и осветить творчество А. С. Байетт и Д. Лоджа именно с точки зрения видов и способов переработки в их произведениях культурного наследия эпохи викторианства, поскольку обычно рассматривают интертекстуальное пространство этих произведений в целом, без вычленения викторианского текста. Новизна исследования состоит также в том, что в нем представлены два варианта ведения интертекстуального диалога писателей-постмодернистов с викторианской литературой, две

¹ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. С. 288.

основные современные стратегии освоения викторианского наследия: диалог-реконструкция и диалог-деконструкция.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что предпринимаемая попытка анализа интертекстуальности не ограничивается анализом вертикального контекста (выявлением литературных влияний, заимствований, цитат, реминисценций, аллюзий) и предполагает рассмотрение викторианского текста современного английского романа в качестве особого надтекстового образования. Предложенная классификация уровней функционирования интертекстуального диалога может служить моделью анализа различных сверхтекстовых единств, складывающихся вокруг объектов (топонимов, антропонимов) высокой культурной значимости.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты анализа исследуемого материала в преподавании курса «История зарубежной литературы XX века», «История зарубежной литературы XIX века», «Литература стран изучаемого языка», а также включить его в программы спецкурсов для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- викторианский текст является одним из доминирующих видов текстовых включений в метатекстуальном пространстве английского постмодернистского романа конца XX века;

- интертекстуальный диалог с викторианской литературой прослеживается на различных уровнях организации текста: пространственно-временном (викторианский хронотоп), композиционно-сюжетном, идейно-тематическом, архитектуальном, художественно-образном, на уровне имен-интертекстов, паратекстуальном и метатекстуальном;

- неовикторианские романы А. С. Байетт вступают с викторианской литературой в отношения диалога-реконструкции; диалогическое взаимодействие выстраивается в виде заимствования, развития идей, согласия, подтверждения, подражания, вариации и стилизации; наиболее характерными для творчества Байетт являются стилизация, структурная, тематическая и биографическая интертекстуальность;

- межтекстовое взаимодействие с викторианской литературой в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» выступает как диалог-деконструкция и выстраивается автором в форме пародии и игры; доминирующим типом интертекстуальных включений в романе является сюжетное варьирование, имена-интертексты и паратекстуальный уровень романа как отношение текста к эпиграфам;

- анализ и характер интертекстуальных включений из романов писателей-викторианцев позволяет утверждать, что в современном английском романе присутствуют как реконструктивная, так и деконструктивная тенденции во взаимодействии с викторианской литературой.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета им.

А. М. Горького (2004–2008), на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Южно-Уральского государственного университета (2004–2008), а также во время выступлений с докладами на 5 международных конференциях (4 научно-практических и 1 научно-методической): «Дергачевские чтения» (УрГУ, Екатеринбург, 2004), «Мировая и региональная литература в современном этнокультурном контексте» (ТюмГУ, Тюмень, 2004), «Литература в контексте современности» (ЧГПУ, Челябинск, 2005), «Иностранные языки и литературы в системе высшего регионального образования и науки» (ПГУ, Пермь, 2006) и «Язык, культура, образование в современном мире» (ПГПУ, Пермь, 2006). Результаты работы отражены в 10 публикациях.

Объем и структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 240 наименований. Первая глава посвящена раскрытию феномена интертекстуального диалога, проблеме соотношения в постмодернизме традиции и инновации, а также краткой характеристике британского варианта постмодернизма и викторианской эпохи. Вторая глава представляет собой анализ диалога с викторианской литературой в романах А. Байетт «Обладать» и «Ангелы и насекомые», третья глава посвящена анализу романа Д. Лоджа «Хорошая работа» как современной версии индустриального романа викторианской эпохи. Общий объем текста составляет 207 страниц.

Основное содержание диссертации

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект и предмет исследования, формулируется цель, задачи и выносимые на защиту положения, дается описание материала и методологической базы. Введение также содержит данные об апробации результатов, структуре и объеме диссертации.

Глава 1 «Постмодернизм и литературная традиция» является теоретической и посвящена рассмотрению основных научных положений, послуживших основой для исследования практического материала. Она состоит из пяти параграфов. В параграфе 1.1. «Диалогизм, интертекстуальность, интертекстуальный диалог» излагается история изучения межтекстовых отношений, анализируются основные теоретические положения концепции диалогичности М. М. Бахтина и концепции интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт) и разводятся понятия «диалогизм» и «интертекстуальность».

Диалог субъектов Бахтина – «встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего, следовательно встреча двух субъектов, двух авторов» – в корне отличается от имперсонального диалога различных видов письма, мозаики цитаций, бессознательной игры, в которой на смену автору приходит скриптор. Вывод Р. Барта о том, что источник текста располагается не в письме, а в чтении, перемещает акцент с фигуры создателя произведения на пользователя как со-творца, производителя новых смыслов. Вся

множественность значений и сущностей текста фокусируется в читателе. В этом позиция Барта оказывается диаметрально противоположной идеям М. М. Бахтина, для которого Автор-Творец остается важнейшей категорией, стоящей за любым диалогическим высказыванием, и более близкой представителям формальной школы, сводящих роль автора к совокупности приемов, используемых в произведении с целью создания того или иного «словесного материала».

Различные подходы к определению сущности интертекстуальных связей можно свести в следующем: интертекстуальность – это прежде всего «переключки» текстов при помощи определённых сигналов, межтекстовый диалог. А в диалоге текстов учитывается прежде всего авторская интенция как функциональная сторона интертекстуальности, именно диалог предстает как процесс взаимодействия в плане содержания и в плане выражения, а также как совместное творчество означающего и означаемого. Интертекстуальность при этом может как сознательно программироваться автором текста, так и иметь неосознанный характер, и зачастую в произведении прослеживаются одновременно обе разновидности «чужого слова».

Одним из важнейших аспектов интертекстуальности является читательское восприятие, которое, в сущности, и представляет собой источник интертекстов (М. Риффатерр). Еще М. М. Бахтин подчеркивал активную сущность реципиента, уравнивая оба элемента в оппозиции «адресант–адресат». Ю. Кристева также отмечала именно рецептивную составляющую межтекстового взаимодействия, называя субъекта письма, получателя и внешнеполужные им тексты тремя инстанциями, пребывающими в состоянии диалога.

Несмотря на широкую распространенность в литературоведческих исследованиях последних лет, термин «интертекстуальный диалог» не зафиксирован в словарях и не имеет четкого и емкого определения: одни исследователи отождествляют его с принципом интертекстуальности в целом – ориентированностью текста-инициатора на текст-прецедент, другие под интертекстуальным диалогом понимают текстовые переключки на содержательном и формальном уровнях художественной структуры, третьи термин «диалог» употребляют в метафорическом смысле – как творческое взаимодействие с традицией с целью поддержания культурной памяти. При этом не всегда учитывается, что межтекстовый диалог подразумевает двустороннюю связь, субъект-субъектные отношения, при которых и старый, и новый тексты оказываются активными участниками коммуникации в сознании читателя.

Основываясь на концепции диалогичности М. М. Бахтина и теории интертекстуальности, мы предлагаем собственное определение феномена интертекстуального диалога. В данном исследовании под этим термином понимается *межтекстовое взаимодействие и взаимовлияние, прослеживающееся в процессе соотнесенного чтения на разных уровнях организации текста в виде вариации, заимствования, соглашения, подтверждения, развития идей, полемики, опровержения или переакцентуации*

текста-предшественника текстом-реципиентом, результатом которого является их обновленное прочтение.

В параграфе 1.2. «**Формы интертекстуального взаимодействия и классификация интертекстуальных отношений**» рассматриваются основные разновидности интертекстуальных отношений и представляется собственная классификация уровней интертекстуальных включений (пространственно-временной, композиционно-сюжетный, идейно-тематический, архитектуральный, художественно-образный, собственно-интертекстуальный, уровень имен-интертекстов, паратекстуальный, метатекстуальный).

В параграфе 1.3. «**Диалогическая доминанта постмодернизма**» рассматривается вопрос о свойственном постмодернистскому искусству диалогическом взаимодействии с традицией.

С одной стороны, постмодернизм подвергает сомнению все накопленное традиционной культурой, деконструирует традицию и иронизирует над ней, выстраивая свою плюралистическую эстетическую парадигму. Однако вместе с этим, экспериментируя с традицией, стирая грани между жанрами, стилями, направлениями, постмодернизм представляет собой синтез возврата к прошлому и одновременно движения вперед, отсюда и исходит утверждение о том, что постмодернизм открывает новое в старом, деканонизирует, переосмысливает и обновляет весь культурный опыт человечества.

Поливалентная эстетика постмодернизма по-своему интерпретирует традицию, сочетая ностальгические настроения с ее оригинальным, зачастую радикальным осмыслением, переакцентуацией и деканонизацией. Неслучайно именно ирония становится одним из основополагающих принципов постмодернистского искусства, а концепция иронического прочтения прошлого У. Эко – значимой составляющей теории постмодернизма.

Отличительными особенностями постмодернистской поэтики является интерес к классике, художественному прошлому человечества, стремление к равноправному диалогу старого и нового, увлеченность цитированием, перекраиванием, перераспределением, игрой, пародированием традиции. Вместе с тем постмодернизм с присущим ему восприятием мира как хаоса (постмодернистской чувствительностью), эстетикой симулякров, двойным кодированием, маргинальностью, многоуровневостью, неопределенностью, открытостью, плюрализмом, схематичностью, фрагментарностью не принадлежит классической традиции.

Гибридность постмодернизма выражается в совмещении в нем как классических, так и экспериментальных тенденций, разнообразных художественных форм, видов письма, в плюрализме стилей, методов, концепций и направлений, а также в его готовности вступать в диалог или полилог существующих культур и художественных направлений.

Таким образом, постмодернизм можно определить как *комплексное гетерогенное критическое осмысление и обобщение всего предшествующего культурного опыта западной цивилизации, результатом которого является диалогическое с ним взаимодействие.*

В параграфе 1.4. «Традиция и эксперимент в английском постмодернистском романе» рассматривается специфика английского варианта постмодернизма. Отличительной чертой постмодернизма в Британии можно назвать его тесную связь с литературной традицией, антимодернистскую направленность и возвращение к комедийно-сатирической традиции. Иронически-пародийный характер современного английского романа просматривается в стилизациях под реализм XIX века, смешении жанров, вымысла и реальности, преобладающей критической деконструкции.

Викторианская литература при этом выступает скорее образцом для подражания, нежели объектом пародии, непременно требующей снижения, дискредитации стилизуемого материала. Авторская ирония, направленная прежде всего на актуальные проблемы современности, а не на раскрытие недостатков и слабых сторон классического текста, модифицируется в постмодернистскую самоиронию, балансирующую между прямым подражанием традиции и игрой с условностями и правилами, различными культурными знаками и кодами.

Отличительным признаком английской постмодернистской литературы является «одержимость историей», историографичность, понимаемая как отрицание различия между историческим фактом и художественным вымыслом, а также появление новой жанровой модификации – неовикторианского романа.

Историографический метароман (Л. Хатчеон) как одна из разновидностей металитературы помимо осознания собственной литературности выходит за пределы литературного дискурса в дискурс исторический с критикой одностороннего и бескомпромиссного понимания истории, с нарушением пространственно-временной линейности, фрагментарностью повествования и множественностью интерпретаций прошлого. Метароман в своем стремлении актуализировать прошлое своей тематикой, композицией, стилистикой постоянно соприкасается с традицией, создавая тем самым условия для диалога.

Автор в неовикторианском романе подобен историку, устанавливающему с прошлым своеобразный диалог, вызывая это прошлое в своем воображении и оживляя его в своем историческом повествовании. Викторианская литература переживает очередное возрождение в современной английской прозе, творчество П. Акройда, А. С. Байетт, Д. Лоджа, Г. Свифта, С. Уотерс является тому подтверждением, что обусловлено не только и не столько постмодернистским интересом к истории в целом, но и особым положением викторианской эпохи в сознании англичан.

В заключительном параграфе 1.5. «Диалектика эпохи викторианства. Викторианский роман и викторианский текст» дается краткая характеристика викторианской эпохи, анализируются отличительные черты викторианской литературы, разводятся понятия «викторианский роман» и «викторианский текст» и делаются обобщающие выводы по главе.

Термин «викторианский роман» не поддается четкому определению в силу разнородности и неоднородности самого английского романа викторианской

эпохи. Викторианский роман – это обобщающий термин для всех романов английских прозаиков, написанных в викторианский период истории Великобритании. Это главным образом реалистический роман о современной писателю жизни, характеризующийся широтой изображения социальных противоречий.

Термин «викторианский роман» тесно связан с термином «викторианский текст». Викторианский роман на страницах современной английской прозы представлен в виде особого сверхтекстового образования – викторианского текста, вбирающего в себя текст викторианской эпохи в целом. В основании викторианского текста, как и любого другого сверхтекстового единства, лежит так называемый викторианский миф – идеализированное в силу своей отдаленности от XIX века представление о викторианстве как о периоде наивысшего расцвета и благоденствия английской нации.

Тематический центр, единый концепт и непереносимое пространственно-временное обрамление викторианского текста современной английской литературы – Англия во времена правления королевы Виктории. При этом централизующий фундамент викторианского текста – это сама викторианская культура и литература, выступающая как данность, не подлежащая изменению и выстраивающая вместе с субтекстами внутритекстовую континуальность.

Внутри викторианского текста также можно выявить определенные субстратные элементы, относящиеся к материально-культурной, духовно-культурной и природной сферам. Викторианский текст может быть проанализирован и синхронически – как развернутый в пространстве сверхтекст, состоящий из частных отдельных субтекстов и подлежащий аналитическому описанию, выделению характерных черт только во всей своей множественности и многообразии. При этом важным признаком данного многообразия текстов будет являться их смысловая цельность – непереносимая составляющая любого сверхтекстового единства. Таким образом, любой субтекст, входящий в викторианский текст, акцентирует прежде всего сакральный характер эпохи викторианства, ее общекультурную значимость и особое положение в сознании англичан.

Английский роман конца XX века постоянно обращается к традиции, осознанно и неосознанно вступает с ней в функционирующий на разнообразных уровнях интертекстуальный диалог, цель которого – ее переосмысление, а также поддержание идеи преемственности английской литературы в целом и сохранение литературной и, шире, культурной памяти нации.

Для современного английского романа викторианская литература становится объектом одновременно ре- и деконструкции, осуществляемой им с помощью интертекстуального диалога. Двойственность просматривается в стилистических реконструкциях под XIX век, пастишизации, пародировании викторианского романа, интертекстуальной игре подлинных текстов и текстов-подделок. При этом викторианская литература, выступая объектом стилизации, пастишизации и пародии, при реализации иронической интенции переносится в иной контекст, иную структуру, противопоставляется ей и обретает новое

звучание, подтверждая мысль о взаимном обогащении в межтекстовом диалоге цитирующего и цитируемого текста.

Глава 2 «Диалог с викторианской литературой в творчестве Антонии Сьюзен Байетт» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе дается краткий обзор тематики и проблематики прозы Байетт и анализ «самосознающего реализма» писательницы, представляющего собой синтез традиционной и экспериментальной прозы. Идея диалога заложена в самых глубинах творчества Байетт – диалог настоящего с прошлым, живых с мертвыми, художника со всей предшествующей ему традицией. Романы Байетт вступают в диалог с наследием прошедших эпох, из которых все более настойчиво заявляет о себе особенно любимая писательницей эпоха викторианства.

В параграфе 2.2. «К истории создания неовикторианских романов А. С. Байетт» излагаются обстоятельства подготовительного периода к написанию исследуемых романов и анализируется авторский комментарий, содержащийся в предисловиях, критических статьях, интервью писательницы. Антония Байетт черпает вдохновение в эпохе викторианства и признает, что современное общество продолжает жить в конце викторианской эры, распространившейся уже на два столетия. Многими инновациями современной жизни человек рубежа XX и XXI веков обязан викторианству. Понять викторианский век, разобраться в его противоречиях, крайностях, сомнениях, эклектичности значит, по мнению А. С. Байетт, понять самих себя. Таким образом, обращение к XIX веку, его переосмысление и переакцентуация его основных идей, становится магистральной темой творчества писательницы.

Параграф 2.3. «Морфо Евгения» А. С. Байетт и «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза» посвящен анализу интертекстуального диалога неовикторианского романа конца XX века с романом, ознаменовавшим начало новой прозы в английской литературе. В неовикторианских романах А. С. Байетт можно обнаружить множество параллелей с романом Дж. Фаулза на сюжетно-композиционном, идейно-тематическом, художественно-образном уровнях, что подтверждает тезис о том, что викторианская эпоха, представленная произведениями классиков английской литературы, ассоциируется у писателей XX века с одними и теми же понятиями.

Результаты анализа межтекстового взаимодействия романов А. С. Байетт и Дж. Фаулза можно интерпретировать и как неосознанное заимствование классического образца неовикторианской прозы конца 60-х годов автором, живущим в конце XX века. Однако здесь просматривается сходство в восприятии современными писателями викторианской эпохи, культуры и литературы, сходство, подчеркивающее так называемый текстовый статус викторианства, его единый художественный код. Викторианский текст современного английского романа формируется посредством комбинации одних и тех же элементов – «конститутивных субстратов» и лейтмотивов.

В отличие от преобладающей иронической и пародийной интенции Дж. Фаулза, Антония Байетт не ставит целью пародирование викторианской традиции. Романы Байетт отнюдь не являются «упреком викторианской эпохе»

(Дж. Фаулз), не пытаются подвергнуть сомнению ценность викторианского романа и переписать его с присущей постмодернистам долей иронии. Интертекстуальный диалог с викторианской литературой в творчестве Байетт напоминает ситуацию вечного возвращения, возрождения классической традиции английской литературы. Это прежде всего диалог-реконструкция, посредством которого восстанавливаются и получают второе рождение основные особенности поэтики викторианской прозы – тематика, проблематика, сюжетно-композиционные приемы, система персонажей, особенности языка.

Параграф 2.4. «Интертекстуальный диалог романов «Обладать» и «Ангелы и насекомые» с викторианской литературой» представляет собой собственно анализ межтекстового взаимодействия неовикторианских романов А. С. Байетт с викторианской литературой на различных уровнях интертекстуальных включений. Здесь рассматривается пространственно-временная организация романов (своеобразный викторианский хронотоп), их сюжетно-композиционные параллели с викторианской литературой (повторение принципов композиции, сюжетных схем, характерных для реалистической прозы XIX века), идейно-тематическое взаимодействие, архитектурность как жанровая связь текстов, художественно-образные параллели, интертекстуальные включения и паратекстуальность как отношение текста к эпиграфу.

Диалогичность эпох в романе «Обладать» выражается в дублировании сюжета – развитии романтических отношений между учеными-исследователями XX и поэтами XIX века, двухфабульном повествовании – намеренном чередовании глав о событиях прошлого с главами о событиях современности, бесконечных параллелизмах в повествовательной технике, образах-двойниках (Мод Бейли и Кристабель Ла Мотт). В «Морфо Евгении», первой части дилогии «Ангелы и насекомые», воссоздается атмосфера жизни викторианского особняка со всеми ее составляющими – упорядоченной жизнью, многолетним семейством, охваченным матримонильными хлопотами, и многочисленными обитателями (слугами, экономками, гувернерами и гувернантками).

Основанный на реальных событиях, связанных с семьей Альфреда Теннисона и обстоятельствами его дружбы с Артуром Хэлламом (Галламом), а также романтической историей взаимоотношений Эмили Теннисон и Артура Хэллама, роман «Ангел супружества» во многом перекликается с романом «Обладать», он также пронизан поэзией – в повествование вплетаются цитаты и отрывки из реально существующих произведений (стихотворения Теннисона, Китса, Мильтона), способствующих воссозданию духа эпохи.

Через реалии и характерные черты XIX века Байетт стремится создать особую викторианскую атмосферу повествования, частично (как в «Обладать») или полностью (как в «Ангелах и насекомых») реконструирует характеры прошлого, а также и само прошлое с целью осмысления проблем настоящего, создавая современный историографический метароман, очень многим

обязанный детерминистскому историзму Джордж Элиот, пониманию истории как некоего противоречивого единства.

Техника параллелизма сюжетных линий, известная по произведениям Диккенса, двуплановость (Дж. Остин, У. Теккерей), характерная для викторианского романа многогеройность, множественность сюжетных линий, завязанных на одном центре, сведение этих линий в одно целое, драматичность описываемых событий, символично-аллегорическая образность становятся одними из ключевых приемов писательницы.

Сюжетные переключки с викторианской литературой, содержащиеся в романах А. С. Байетт, являются наглядным примером встречи двух текстов – современного и викторианского, характеризующейся их взаимным проникновением друг в друга, взаимным сопоставлением и противопоставлением. Аллюзии на типичные сюжетные коды викторианского романа повышают не только импликационный потенциал самого текста-реципиента, но и способствуют конструированию нового смысла, заложенного в тексте-доноре.

В качестве примеров можно привести современное звучание заявленного викторианцами шаблона (совпадения, утерянные завещания, получение неожиданного наследства, удары фортуны), объединение в одно целое нескольких основных сюжетных линий викторианского романа, новую интерпретацию элиотовской идеи о постоянном развитии, поиске, самосовершенствовании, оригинальную трактовку популярных в викторианскую эпоху натуралистических идей и аналогий (проблема кровосмесительных отношений). Мотив ищущего, использованный Байетт в «Морфо Евгении», ничуть не является осовремениванием и ироническим переосмыслением викторианской действительности автором, живущим в конце XX века. Байетт раскрывает то, что веками содержалось в импликации, было скрыто от внешних глаз и не могло стать предметом рефлексии писателя-викторианца.

Принято утверждать, что в романе Байетт происходит переложение на викторианский язык совсем не викторианского сюжета, однако более справедливым будет сказать, что происходит переложение викторианского сюжета на невикторианский язык.

В «Морфо Евгении» А. С. Байетт частично заимствует систему и соотношение персонажей викторианского романа, принципы их изображения, важная роль среди которых отводится приемам детализации и контраста, а также реконструирует при этом характерный для викторианской литературы мотив вознагражденной добродетели.

Байетт наследует также историзм и психологизм Дж. Элиот, идею нравственно-психологического «проживания» единства прошлого и настоящего. Второе рождение получает элиотовский принцип параллельного развития, отражения одной судьбы в другой (Кристалль Ла Мотт и Мод Бейли), и в то же самое время принцип контраста (Мэгги Кромптон и Евгения Алабастр). Как и для Элиот, для Байетт внутренний портрет персонажей, постепенное открытие характера посредством последовательного

развертывания событий («движение характера») важнее их внешних характеристик.

Воссоздавая на страницах своих романов атмосферу спиритических сеансов, весьма популярных в XIX веке, Байетт, с одной стороны, стремится к большей достоверности культурно-исторического контекста, с другой стороны – к установлению неразрывной связи между викторианским прошлым и настоящим, обращаясь к этому прошлому за ответами на свои многочисленные вопросы. Неовикторианские романы Байетт сами участвуют в своеобразном спиритическом сеансе, нацеленном на воскрешение викторианской литературы, ее новое прочтение и постижение ее множественных смыслов.

Включенные в повествование поэмы, дневники, десятки писем стилизованы под XIX век, текст романа пронизан строками из произведений поэтов XIX века, а также содержит легенды, тайны, переписку поэтов XIX века, дневники Э. Гаскелл, факты биографии Дж. Остин, Ш. Бронте, Дж. Элиот, Ч. Диккенса, Э. Троллопа. Таким образом, в романе создается своеобразное «поскутное одеяло» («patchwork») из стихов, писем и прозы.

Исторический фон XIX века в романах «Обладать» и «Ангелы и насекомые» воссоздается не только вкраплениями поэзии, стилизованной под XIX век, подборкой писем, дневников, включением в повествование трех эпизодов, стилистически реконструирующих викторианский текст, но и описанием ключевых конфликтов викторианской эпохи – биологическое и социальное в человеке, оккультизм и спиритизм как антитеза дарвинизму, дилемма долга, тяготеющего над женщиной как насильственное сдерживание внутренней энергии и творчества, незыблемость патриархальных устоев, признание за женщиной права на независимость и самостоятельность и ее «общественное служение» как единственно возможная социальная роль женщины в эпоху викторианства.

Воссоздавая колорит эпохи викторианства, Байетт пытается при этом вскрыть то, что осталось за страницами дневников, биографий, писем, то возможное прошлое, которое осталось незафиксированным на бумаге. Это прошлое неизвестно, но вполне правдоподобно.

Наряду с именами-интертекстами, биографической, тематической и структурной интертекстуальностью в романе «Обладать» содержатся также прямые текстовые включения из произведений викторианской литературы.

Аллюзии на романы Дж. Остин, Ч. Диккенса, Дж. Элиот сопровождают повествование в романе «Обладать», создавая особый «приглушенный» фон романа викторианской эпохи. Байетт стремится вступить в диалог-продолжение, диалог-вариацию на тему викторианской прозы, а также диалог-игру с литературной традицией – оживить в памяти читателя наиболее значимые литературные памятники викторианской эпохи и реконструировать характерные для викторианского романа в целом образы и мотивы. Байетт обращается к архетипическим мотивам викторианской и, шире, мировой литературы – мотиву установления отцовства-материнства, разрешения тайны рождения, обретения потерянных детей.

Варьирование типичных сюжетных схем викторианского романа – счастливое разрешение конфликта, мотив неожиданного наследства, удары судьбы, разгадка тайны, непредвиденные стечения обстоятельств, случайно открывшееся родство Кристабель и Мод («Обладать») – особенно актуальный прием для творчества А. Байетт. Оно по-новому трактует знакомый читателю сюжет, на фоне отголосков предшествующих культур, вызывая тем самым эффект интертекстуального полилога разных авторов и обнаруживая полифоническое и неоднозначное восприятие художественного текста.

Интертекстуальность в данном случае выполняет, помимо основной функции диалогизации, контактоустанавливающую, текстопорождающую, экспрессивную, поэтическую и референтную функции. Байетт обращается к скрытым, не востребуемым возможностям викторианской литературы, создавая на страницах своих произведений особое идейно-художественное пространство, где прошлое соединяется с настоящим, а реальное с вымышленным.

Глава 2 заканчивается определением характера межтекстового взаимодействия с викторианской литературой исследуемых романов А. С. Байетт. Интертекстуальный диалог с викторианством в творчестве Байетт – это прежде всего диалог-реконструкция. Диалогические отношения выстраиваются на различных уровнях организации текста в виде заимствования, развития идей, согласия, подтверждения, подражания, вариации и стилизации. Наиболее характерными для творчества Байетт являются стилизация, структурная, тематическая и биографическая интертекстуальность. Стилистическая реконструкция становится для А. С. Байетт одним из характерных приемов воссоздания сюжетных схем викторианского романа. Обращаясь к разным жанровым моделям, характерным для викторианской литературы, неовикторианский роман Байетт стремится оживить литературную память читателя, воскресить знакомый по романам Дж. Остин, Ч. Диккенс, Э. Гаскелл, Дж. Элиот особый мир и подарить ему новую жизнь внутри современного литературного произведения.

Глава 3 «Хорошая работа» Д. Лоджа как современная версия индустриального романа XIX века» посвящена анализу отличного от диалога-реконструкции А. С. Байетт особого вида текстуальной интеракции современного английского романа с романом викторианским. Глава состоит из трех параграфов.

В параграфе «Дэвид Лодж – критик, литературовед, писатель» дается краткий обзор литературной и литературоведческой деятельности Д. Лоджа, а также подчеркивается их взаимопроникновение и взаимообусловленность. Отличительной особенностью литературоведения Д. Лоджа является его тесная связь с художественной практикой: теоретические взгляды находят непосредственное отражение в романном творчестве писателя. В теоретических трудах Лодж отстаивает идею преемственности и непрерывности литературной традиции, подчеркивая необходимость диалогического с ней взаимодействия. Диалог с литературной традицией становится основополагающим и в художественном творчестве писателя.

В параграфе 3.2. «Викторианский текст в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» анализируется межтекстовое взаимодействие современного индустриального романа с викторианским рабочим романом, представленным творчеством Ч. Диккенса, Ш. Бронте, Э. Гаскелл.

Одним из доминирующих видов текстовых включений в «Хорошей работе» и своеобразной сюжетной цитатой является роман «Север и юг» Э. Гаскелл. Лодж использует ключевые для сюжетной структуры романа Э. Гаскелл эпизоды и переносит их в XX век, в свой текст. Однако данное «переписывание» подразумевает не столько копирование или вариацию на тему романа «Север и юг», сколько диалогическое с ним взаимодействие, пародийное его переосмысление с разрушением ожидаемого смысла. Цитаты из претекста становятся той основой, на которой строится диалог двух текстов – викторианского и современного. Традиция в романе Лоджа одновременно продолжается и обыгрывается, подчиняясь общему замыслу – скрытой иронии, направленной не только и не столько на викторианский роман, сколько на современность.

При этом Лодж не стремится к иронической стилизации под викторианскую прозу, не переносит повествование в прошлое, не использует ретроспективные вставки-экскурсы (за исключением одного эпизода, повествующего об истории города Раммиджа с упоминанием Томаса Карлейля, Чарльза Диккенса и королевы Виктории), однако XIX век присутствует на страницах романа и дух викторианства весьма ощутим.

На композиционно-сюжетном уровне романа можно выявить структурную интертекстуальность, реализующуюся в данном случае в параллелизме сюжетных линий, заимствовании сюжета, дублировании ситуаций, а также связанных с ними переживаний главных героев. Сюжетная схема романа «Хорошая работа» вторична, она воспроизводит классический сюжет романов Остин, Бронте, Гаскелл – знакомство главных героев, «двух наций, между коими нет ни общности, ни симпатии; которые не смыслят в привычках, мыслях и чувствах друг друга»², их первоначальная неприязнь друг к другу, выходящая впоследствии в симпатию.

Пародийность ситуации задается парадоксальностью самой идеи Теневого проекта – опровергнуть мнение общества об университете как «башне из слоеной кости». В «Хорошей работе» Д. Лодж использует тот же прием, что и в первой части трилогии, – создает парадоксальную ситуацию, направленную на обнаружение игрового характера культуры, что выражается в пересечении героем ее топологических границ (в данном случае мира университета и промышленного производства). Однако по сравнению с «академически-семейным» обменом профессоров британского и американского университетов Ф. Лоу и М. Цалпа Теневой проект «Хорошей работы» кажется более реалистичным.

Главные герои романа «Хорошая работа» Вик Уилкоккс и Робин Пенроуз олицетворяют традиционный разрыв между слоями британского общества,

² Лодж, Д. Хорошая работа. М.: Изд-во Независимая Газета, 2004. С. 7.

разобщенность, разделение Англии на два лагеря, результатом чего является предубежденность, снобизм, бескомпромиссность и стереотипное мышление. Сословные различия в современной Британии не многим отличаются от строгой стратификации английского общества в XIX веке, подтверждая тем самым мысль о том, что викторианская эра все еще продолжается. Именно потому, что общество все еще живет в эпоху викторианства, ситуация пересечения сословных границ неизменно создает комический эффект.

Отношения Вика Уилкокса и Робин Пенроуз, конфликтные и антагонистические в начале повествования, постепенно превращаются в приятельские, претерпевают стадию романтической влюбленности и страсти (со стороны Вика), а в конце романа становятся партнерскими (Робин предлагает профинансировать новый проект Вика). Д. Лодж пародирует традиционный финал викторианского романа, реализуя при этом принцип обманутого ожидания – влюбленные не соединяются в браке, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь.

В романе Э. Гаскелл последовательно проводится идея социального примирения, гармонизации классовых отношений посредством установления личных контактов между фабрикантами и рабочими во имя их взаимовыгодного сотрудничества. Маргарет Хейл, далекая от классовых противоречий сторонняя наблюдательница происходящих событий, является своеобразным воплощением утопических надежд Гаскелл, основывающихся прежде всего на вере в перерождение представителей обоих классов, на их романтической идеализации.

Идея примирения социальных противоречий путем установления личных связей между субъектами находит отражение и в романе Лоджа. Робин Пенроуз, сочетающая в себе приверженность к христианскому социализму и одновременно трактующая викторианскую классику с позиций «семиотического материализма» и феминистской критики «с левыми взглядами», наследует при этом характерное для Маргарет Хейл стремление к правде и справедливости. Она смело вмешивается в производственную политику Уилкокса, критикует условия работы на его предприятии, обвиняет современное производство в расизме и выражает полную солидарность с угнетенными рабочими.

Однако, будучи сторонницей классовой борьбы, непосредственным осведомителем рабочих и зачинщицей забастовки, Робин Пенроуз оказывается союзницей Уилкокса, поддаваясь обаянию и подчиняясь внутренней силе и мужественности, исходящими от исполнительного директора «Принглс». Объектом авторской иронии оказываются, с одной стороны, примиренческие тенденции викторианского романа, возлагавшего утопические надежды на гармонизацию отношений между рабочими и предпринимателями, а с другой стороны – несостоятельность марксистских взглядов самой Робин, которая, подобно героине Гаскелл, одинаково сочувствует и капиталистам, и рабочим.

Повторение сюжетных схем романов эпохи викторианства, основная проблематика романа – противопоставление двух миров, двух типов мышления, технократического и поэтического (town and gown), техника параллелизма в

изображении главных персонажей, двуплановость повествования, а также идея примирения социальных противоречий – все это приближает «Хорошую работу» к классическим образцам викторианского индустриального романа.

Дэвид Лодж не ставит целью полное копирование приемов писателей-викторианцев, не драматизирует повествование введением неожиданных совпадений, открытий, подобно А. Байетт, воссоздающей на страницах своих романов типичные повороты сюжета викторианского романа. Однако в романе также присутствует характерный для писателей-викторианцев мотив неожиданного наследства. Непременная для индустриального викторианского романа романтическая история в центре повествования также претерпевает деконструкцию и пародируется Лоджем.

Классический реалистический текст подобен музыкальному сопровождению к роману «Хорошая работа»: он ненавязчиво присутствует, лейтмотивно обрамляет повествование, появляется то в виде основной темы, то в виде ее множественных вариаций. Интертекстуальный фон романа представлен в виде прямых и скрытых цитат, аллюзий, реминисценций, литературных ассоциаций.

На протяжении всего повествования в романе Д. Лоджа доминирующим типом является интертекстуальность на уровне имен-интертекстов (как присутствие в тексте имен собственных и названий произведений для введения интертекстуальной отсылки). Биография Робин Пенроуз в первой части романа перемежается с ее размышлениями о викторианской литературе в целом, отрывками из ее лекций, содержащих революционные взгляды на викторианский индустриальный роман, и противоречивыми выводами ученого-деконструктивиста. При этом автор намеренно представляет постмодернистский коллаж идей, пастиш, создаваемый на основе теории постструктурализма и литературы XIX века.

Структурная и композиционная интертекстуальность, сюжетное варьирование, система образов, текстовые переключки в виде маркированных и скрытых цитат и аллюзий, имена-интертексты представляют на страницах романа «Хорошая работа» интертекстуальный диалог с викторианской литературой. Интертекстуальность, подтверждающая идею непрерывности литературного процесса и преемственности по отношению к традиции, помимо основной диалогической, выполняет в романе Лоджа прежде всего направленную на рождение ассоциаций контактоустанавливающую функцию, а также текстопорождающую, экспрессивную, референтную и пародирующую функции. Интертекстуальные включения в романе полифункциональны: викторианский текст выступает общим фоном повествования, цитаты и аллюзии на викторианские романы играют роль литературных свидетельств, расширяют семантику текста за счет подключения различных ассоциаций, «культурных отсылок», служат средством характеристики персонажа, а также являются примером авторской металитературной игры с читателем.

«Хорошая работа» Д. Лоджа и «Обладать» А. С. Байетт представляют собой варианты современного производственного романа, персонажами которого оказываются филологи – специалисты в области английской литературы.

Однако если у Байетт в основном воссоздаются и реконструируются типичные сюжетные схемы викторианского романа (например, счастливое соединение влюбленных в финале), то у Лоджа они иронически переосмысляются (в виде отказа от традиционного завершения любовной линии).

Университетский роман усложняется Лоджем, включая в себя мир промышленного производства, тогда как у Байетт ограничивается миром университета и исследовательских центров. Университет предстает как производственное предприятие, функционирующее по схожим принципам с предприятием промышленным и характеризующееся определенным набором отличительных признаков – четкой иерархической структурой, субординацией, «классовыми» противоречиями, производственными конфликтами. Таким образом, роман «Хорошая работа» можно назвать производственным университетским романом. Интересно, что у Лоджа, как и у Байетт, именно университету предоставляется роль связующего звена между современной действительностью и викторианством.

Параграф 3.3. «Паратекстуальность в романе «Хорошая работа» посвящен анализу особого типа межтекстового взаимодействия современного английского романа с викторианской литературой – отношения текста к эпиграфам.

В романе Д. Лоджа «Хорошая работа» эпиграф играет особенно значимую роль, связанную с введением в повествование викторианского текста. Поскольку роман представляет собой современную версию индустриального романа 1840-х годов, эпиграфы, взятые автором из индустриальных романов эпохи викторианства, вступают в диалогические отношения с самим текстом, а также между собой. Интересен выбор романов, к которым в поисках эпиграфа обращается Дэвид Лодж, поскольку это знаковые для эпохи викторианства произведения. Эпиграфы намеренно выстраиваются автором в определенной последовательности: два эпиграфа из Дрейтона и Дизраэли ко всему роману и по одному эпиграфу к каждой из его шести частей, при этом роман окаймляется эпиграфами из романа «Шерли» Ш. Бронте, вторая и четвертая части предваряются эпиграфами из романа «Север и юг» Э. Гаскелл, а третья и пятая – эпиграфами из романа «Тяжелые времена» Ч. Диккенса.

Уже в первых эпиграфах в повествование вводится принцип игры. Далее автор делит свое произведение на шесть частей-блоков, с помощью эпиграфа определяет основную тональность повествования, узнаваемые мотивы, образы, сюжетные линии. Именно этот «прогнозирующий» эпиграф предопределяет последующее развитие событий и выступает в качестве связующего звена двух эпох, а шире – культуры современной и викторианской.

Эпиграф, вступая в диалогические отношения с текстом романа, вводит своеобразный второй план повествования, имплицитно сопровождающий основную линию развития событий и с ней переплетающийся. Ирония и пародия становятся в романе основными приемами создания комического эффекта, чему в немалой степени способствуют эпиграфы.

Кроме того, все эпиграфы к различным частям романа можно рассматривать как иллюстрацию образа мысли человека, погруженного в литературу XIX века

и не представляющего себя вне ее, что напрямую ассоциируется с главной героиней романа Робин Пенроуз. Это особый мир, в котором обитает Робин или любой другой специалист по викторианской литературе, мир, сотканный из цитат, аллюзий и реминисценций.

Эпиграфы из индустриальных романов XIX века, имеющие прямое отношение к доктору Пенроуз, представляют преимущественно женский взгляд (взгляд Робин) на происходящие события. Видение Робин и авторская точка зрения сближаются, однако полного совпадения не происходит. Эпиграф является категорией внетекстовой, это своеобразный взгляд извне.

Помимо своей металитературной функции – отсылки к произведениям эпохи викторианства, а также своеобразного внетекстового комментария, способствующего созданию пародийного модуса повествования, эпиграфы в романе «Хорошая работа» подчеркивают связь, существующую между классическими текстами XIX века и романом конца века XX. Современность постоянно вступает в диалог со сконцентрированным в эпиграфах викторианством.

При этом согласно заявленной в эпиграфах установке на пародийность и интертекстуальную игру автор не следует канонам викторианского романа до конца. В романе отсутствует традиционный хэппи-энд, соединяющий «влюбленных» в браке, поскольку Робин вообще не верит в «индивидуалистическую любовь» и считает ее «всего лишь литературным, рекламным и массмедийным мошенничеством»³.

Эпиграф не является единственным способом введения викторианского текста в романе «Хорошая работа». Он служит неким фоном, обрамлением, необходимым для создания многоуровневого, металитературного, интеллектуального романа, насыщенного цитатами, аллюзиями и реминисценциями. Именно здесь выражается авторская интенция рассматривать интертекстуальность не как простое украшение текста, а как важнейший фактор его замысла и композиции.

Глава 3 заканчивается краткими выводами. Роман «Хорошая работа» действительно можно назвать современной версией индустриального романа XIX века. Продолжая традиции английского индустриального романа, «Хорошая работа» его деконструирует, что выражается в принципах парадоксальности и обманутого ожидания. Межтекстовое взаимодействие с викторианской литературой здесь выступает как диалог-деконструкция и выстраивается Лоджем в форме пародии и игры – в этом и заключается его существенное отличие от диалога-реконструкции А. С. Байетт, реализующегося посредством стилизации, структурной, тематической и биографической интертекстуальности. Вместе с этим данное межтекстовое взаимодействие можно охарактеризовать как диалог-заимствование, диалог-соглашение, развитие идей, а также диалог-полемику и диалог-игру с викторианским романом.

³ Лодж, Д. Хорошая работа. М.: Изд-во Независимая Газета, 2004. С. 292.

«Хорошая работа» является наглядным подтверждением тому, что ориентация на интертекстуальную игру с текстами-предшественниками становится неотъемлемой характеристикой современного романа, одной из его главных художественных установок. Викторианская литература представлена в романе в виде пастиша, нейтрального варианта пародии, не ставящего целью осмеяние и принижение пародируемого объекта, но сплетающего в единое целое разрозненные отголоски чужих текстов.

В заключении подводятся итоги и излагаются выводы, сделанные в ходе исследования.

Своеобразие творчества А. С. Байетт и Д. Лоджа является эксперимент с различными видами письма, сочетание экспериментальной манеры с реалистической, что послужило тому, что писателей стали причислять к «сомнительным» постмодернистам, продолжающим традиции классического реалистического романа в рамках «экспериментального реализма» или «ностальгического постмодернизма». Межтекстовое взаимодействие с литературной традицией в целом и викторианской литературой в частности является отличительной особенностью поэтики анализируемых произведений А. С. Байетт и Д. Лоджа.

Диалог с викторианской литературой у А. Байетт носит характер диалога-реконструкции. В романах «Обладать» и «Ангелы и насекомые» реконструируются стилистические и композиционные особенности викторианского текста и деконструируется его идейное содержание.

Д. Лодж создает на страницах романа «Хорошая работа» невикторианский роман на викторианский сюжет, предлагая читателю современную версию индустриального романа XIX века. Диалог-деконструкция выстраивается Д. Лоджем главным образом на основе принципов парадоксальности и обманутого ожидания.

Два выявленных типа интертекстуального диалога в произведениях Байетт и Лоджа характеризуются тесным взаимодействием – взаимным проникновением, сопоставлением и противопоставлением. Во всех анализируемых романах наличествуют как реконструктивные, так и деконструктивные элементы, что выражается в том, что в новом контексте, несмотря на имплицитно сопровождающую повествование иронию, авторскую металитературную игру с претекстами и пародийную тональность, викторианская литература сохраняет свою экспрессивность, обретая при этом новое оригинальное звучание и подтверждая идею о взаимном обогащении в межтекстовом взаимодействии как текста-предшественника, так и текста-реципиента.

Результаты проведенного анализа встречи двух текстов (современного и викторианского) позволяют доказать существование наряду с известными сверхтекстовыми единствами особого надтекстового образования – викторианского текста, характеризующегося монолитностью, определенной системой знаков, инвариантными особенностями.

Викторианский текст, принимая во внимание, однако, некоторую относительность и спорность этого понятия (поскольку правомерным

представляется говорить о различных его вариантах – собственно викторианском тексте XIX века, викторианском тексте второй половины XX века, викторианском тексте в рамках одного произведения, тематически соотношенного с викторианской эпохой), подобно петербургскому, римскому, парижскому и другим, можно определить как незамкнутую систему интегрированных текстов, характеризующихся смысловой и языковой цельностью, с общей текстовой ориентацией на эпоху викторианства. При этом викторианский текст нельзя однозначно отнести к локальному (городскому) или именному текстам, он занимает между ними промежуточное положение и разделяет свои отличительные признаки как с одним, так и с другим.

Формирование викторианского текста в современной английской литературе напрямую связано с актуализацией викторианского мифа, представлением о викторианской эпохе как о периоде благоденствия, наивысшего расцвета английской культуры, времени высокой духовности и нравственности. Очередное возрождение интереса к викторианству в конце XX века говорит об исключительной важности этого периода английской истории, наделяемого современными английскими писателями сакральной природой. Основная смысловая установка викторианского текста в английской литературе конца XX века заключается в идее о том, что только через викторианское прошлое можно постичь настоящее.

В русле наметившегося в отечественном литературоведении нового направления исследований в области регионалистики, геопозтики, теории сверхтекста (В. Н. Топоров, В. В. Абашев, А. П. Люсий, Н. Е. Меднис, Е. К. Созина), выделяющего петербургский, пермский, крымский, венецианский, уральский тексты русской литературы, а также именные (персональные) тексты как, например, пушкинский, гамлетовский тексты русской литературы, представляется особенно перспективным изучение викторианского текста как особого транстекстуального феномена английской литературы.

**Основное содержание работы и результаты исследования
отражены в следующих публикациях:**

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Толстых, О. А. «Свое» и «чужое». К проблеме интертекстуальности / О. А. Толстых // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2004. – №1. – С. 41–46. (0,6 п.л.).
2. Толстых, О. А. Неовикторианский постмодернизм Антонии Байетт (на примере романа «Possession») / О. А. Толстых // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2005. – №2. – С. 89–93. (0,5 п.л.).
3. Толстых, О. А. Функции эпитафии в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» / О. А. Толстых // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2007. – №4. – С. 87–90. (0,6 п.л.).

Другие публикации:

4. Толстых, О. А. «Другая» литература, или в защиту постмодернизма / О. А. Толстых // Теория и методика преподавания языков в вузе: Тезисы докладов / Под ред. Е. Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 118–120. (0,1 п.л.).

5. Толстых, О. А. Роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» как продолжение теории эволюции Ч. Дарвина (по материалам статей американских исследователей) / О. А. Толстых // Литература и культура в современном гуманитарном знании: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию основания кафедры зарубежной литературы ТюмГУ, 18–20 октября 2004 г. / Под ред. В. Н. Сушковой. Ч. 2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С. 112–115. (0,3 п.л.).

6. Толстых, О. А. «Викторианский» постмодернизм А. Байетт (на примере романа «Ангелы и насекомые») / О. А. Толстых // Литература в контексте современности: материалы II Международной научной конференции. Челябинск, 25–26 февраля 2005 г.: в 2 ч. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – Ч. II. – С. 203–206. (0,2 п.л.).

7. Толстых, О. А. Crossover fiction, или викторианские романы Антонии Байетт и Дэвида Лоджа / О. А. Толстых // Мировая литература в контексте культуры: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Иностранные языки и литературы в системе регионального высшего образования и науки» (12 апр. 2006 г.), посвящ. 90-летию Перм. гос. ун-та / Перм. ун-т; под ред. Н. С. Бочкаревой. – Пермь, 2006. – С. 183–188. (0,4 п.л.).

8. Толстых, О. А. Роман Д. Лоджа «Хорошая работа» и викторианская литература: опыт интертекстуального прочтения / О. А. Толстых // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Международной конференции (г. Пермь, 8–9 ноября 2006 г.). В 2 ч. Ч. I. Проблемы романо-германской филологии, перевода, литературоведения и межкультурной коммуникации / отв. ред. Т. Н. Романова; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 125–127. (0,3 п.л.).

9. Толстых, О. А. «Морфо Евгения» А. Байетт и «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза: интертекстуальный диалог / О. А. Толстых // Мировая литература в контексте культуры: сборник материалов Международной конференции «Иностранные языки и литературы» (г. Пермь, 12 апреля 2007 г.) / Перм. ун-т, под ред. Н. С. Бочкаревой. – Пермь, 2007. – С. 155–159 (0,4 п.л.).

10. Толстых, О. А. Викторианский текст современного английского романа («Морфо Евгения» А. С. Байетт) / О. А. Толстых // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы Международной научной конференции, Челябинск, 10–13 декабря 2007 г./ отв. редактор О. А. Турбина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 190–193. (0,3 п.л.).

10=